

Г. Н. Кочешков

Крестьянский мир в трудах М. М. Богословского

Статья посвящена научному творчеству известного русского историка М. М. Богословского, ученика В. О. Ключевского, яркого представителя московской исторической школы. Анализируются взгляды М. М. Богословского на крестьянский мир Русского Севера XVII в. Историк доказывает на основе большого фактического и документального материала ошибочность позиции представителей историко-юридической школы о том, что именно государство «сверху» создало органы местного самоуправления. Богословскому удалось привести серьезные доказательства существования земских органов в России с давних времен. Он вскрыл противоречия, существовавшие между государством и крестьянским миром, показал механизм функционирования земских учреждений. Богословский уточнил структуру институтов крестьянского мира в Поморье в XVII в. Высшим органом «дворища» являлся крестьянский сход, который принимал сообща, коллективно важнейшие решения социально-хозяйственного значения. Крестьянский мир был не только своеобразным хозяйственным союзом, но и блюстителем нравственности. Вся жизнь сельчан проходила на виду у всего мира. Исполнительными органами выступали мирские, земские организации, которые возглавляли выборные земские старосты. Богословский дает интересные характеристики различным группам крестьянского населения Русского Севера: черносошным людям, половникам, бобылям и другим.

Ключевые слова: крестьянский мир, государственники, мирской сход, исполнительные органы, земское самоуправление, земский староста, волость, черносошные крестьяне, вотчина.

G. N. Kocheshkov

The Peasant's World in M. M. Bogoslovsky's Works

The article is devoted to the scientific work of well-known Russian historian M. M. Bogoslovsky, a pupil of V. O. Kluchevsky, a bright representative of Moscow historical school. The article analyzes the views of M. M. Bogoslovsky on the peasant's world of the Russian North in the XVII century. Being based on great factual and documental materials the historian proves the mistaken position of the representatives of the historical-juridical school that the State made the organs of local self-administration. Bogoslovsky managed to present serious facts about the existence of the self-administration organs in Russia long time ago. He revealed the conflicts between the State and the peasant's world (mir), showed the mechanism of functioning of the self-administration organs. Bogoslovsky clarified the structure of the institutes of the peasant's world in Pomorie in the XVII century. The peasant assembly (skhod) is the supreme organ of «dvorisha», which made decisions by the collective. The peasant's world was not only the original economic union, but the guard of the morals. The whole life of peasants was in the full view of the world. The zemstvo was an executive organ, headed by the zemskii president. Bogoslovsky gives an interesting description of different groups of peasants.

Keywords: the peasant's world, statesmen, mirskoi skhod, executive organs, self-administration organs, zemski president, volost, votchina.

В настоящее время нет нужды говорить о важности предмета, которому посвящена данная статья. Сотни книг и статей о крестьянском мире, написанных в течение последних двух десятилетий, ясно показывают, сколь велик интерес исследователей к указанной теме. Но этот интерес возник не сейчас, многие известные русские исследователи в свое время писали о загадочном крестьянском мире, пытались проникнуть во внутренний мир русского мужика, раскрыть механизм функционирования сельской общины, невероятно живучей на протяжении многих веков русской истории.

Выдающийся ученый, ученик В. О. Ключевского М. М. Богословский (1867–1929 гг.), воспринявший концепцию своего учителя и проводивший ее в своих научных трудах, написал несколько крупных монографий, посвя-

щенных истории крестьянства XVI–XVII вв. Как молодой исследователь М. М. Богословский вырос в школе В. О. Ключевского, который был превосходным лектором, мастером слова, «не знающим себе равных ни в анализе, ни в синтезе». Ключевский, по словам Богословского, «совершал с фактами мыслительную операцию, которая совершается с логическими понятиями», факты были для него «только служилыми элементами, питавшими его мышление». Главной целью лекций В. О. Ключевского, как отмечает Богословский, было «не изложение события как такового, а размышление над событием» [5, с. 97]. Лекции Ключевского, его манера чтения, художественная красота и меткость сравнений помогли М. М. Богословскому позже стать первоклассным педагогом и лектором. Будучи студентом историко-филологического факультета Московского уни-

верситета, на старшем курсе, по предложению Ключевского, Богословский приступил к написанию конкурсного сочинения на тему «Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду источников истории Московского государства XV, XVI и XVII вв.», за которое он получил золотую медаль и рекомендацию Ключевского об издании сочинения в виде отдельной книги.

В 1902 г. М. М. Богословский защитил магистерскую диссертацию по теме «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.». Официальными оппонентами были профессор М. К. Любавский и приват-доцент А. А. Кизеветтер. В качестве неофициального оппонента выступил В. О. Ключевский. В том же году магистерская диссертация была опубликована и удостоена Академией наук премии графа Уварова.

Через семь лет, в 1909 г., М. М. Богословский защитил докторскую диссертацию. Оппонентами выступили те же ученые – М. К. Любавский и А. А. Кизеветтер. Тема исследования уже довольно известного в России историка – «Земское самоуправление на русском севере в XVII веке». Спустя короткое время вышло двухтомное сочинение, посвященное проблеме крестьянского мира в указанный период. По мнению Н. Л. Рубинштейна, автор поставил ту же задачу, что и В. О. Ключевский в своем труде «Боярская дума древней Руси»: изучение земской жизни, конкретных общественных отношений. Однако, в отличие от автора «Боярской думы», автору «Земского самоуправления» удалось дать «действительное воспроизведение конкретных отношений реальной жизни» [4, с. 408].

М. М. Богословский так охарактеризовал свое исследование: первая часть посвящена «изучению той внешней обстановки, в которой действовало местное самоуправление на севере, тех общественных элементов, из которых оно слагалось...», вторая часть имеет своим предметом исследования двух вопросов: во-первых, деятельности органов самоуправления; во-вторых, отношений, устанавливающихся в XVII в. между земскими мирами и правительственной властью» [2, с. 1]. М. М. Богословский вводит читателя в малознакомые ему северные миры с их широким самоуправлением. Многообразные источники (писцовый материал, дела приказов, статистические документы) позволили ему показать ошибочность суждений представителей государственной школы о распространении бюрократического, чиновничьего управления в Московском государстве, которое полностью поглотило органы местного самоуправления, в том числе и на Русском Севере.

Нелишним в связи с этим будет высказывание М. Н. Покровского о взглядах историков-государственников на русскую историю: «У нас давно стало азбучной истиной, что в России «исторический процесс шел как раз обратным порядком, сверху вниз». То, что на западе было лишь равнодействующей различных местных сил, у нас оказывается, по принятому мнению, самостоятельным источником всякой общественной силы, в том числе и всей областной политической жизни... То, что всюду было творением, у нас оказывается творцом... Искать общественной самостоятельности в Московской Руси было бы некоторого рода научной ересью» [3, с. 187].

Будучи по своей природе самостоятельным, не государством созданным организмом, крестьянский мир автономно управлял всеми делами в деревне. В то же время русская землевладельческая община не представляла собой абсолютно изолированного явления, внесенного в жизнь искусственно. Она – результат сложных социокультурных процессов, которые происходили на Руси в течение продолжительного времени. Деревня на севере была первичным союзом в той же сложной сети союзов, в которую сплеталась общественная жизнь Поморья. На славянском языке такой союз носил название «мир». В своей повседневной жизни поморский крестьянин был тесно связан с мирской организацией. В миру осуществлялись хозяйственные, бытовые нужды, удовлетворение которых было не под силу отдельному человеку. Мир заботился и об удовлетворении духовных интересов своих членов: строил и содержал церкви, приглашал священнослужителей, организовывал при церкви благотворительные учреждения. Таким образом, мир являлся не только неким коллективным хозяйственным организмом, но и блюстителем нравственности; при этом вся жизнь мирского человека проходила на виду у мира. По образному выражению М. М. Богословского, мир являлся институтом «повального обыска, так широко практиковавшегося в Древней Руси и заключавшегося в опросе мира о ком-либо из его членов, притом в опросе не только относительно какого-либо отдельного поступка, но и вообще о всем его поведении» [1, с. 196].

Анализируя взаимоотношения крестьянского мира и государства, Богословский отмечает, что корни самоуправления уже существовали в земле задолго до появления государства. Историк вскрывает социальные истоки противоречий двух субъектов – государства и мира, объясняя конфликты, нередко возникающие между ними, чувством несправедливости, затрагивающим интересы крестьян. В минуты ярости, выведенный из

терпения, мир отказывается выполнять предъявленные ему требования. При этом, благодаря своей многолюдности, мир не боится грозящей ему ответственности. «Нам миру то не беда», «у мира шея толста», – кричали возмущенные крестьяне, встречая государственных чиновников [1, с. 197].

Выразителем мысли и воли крестьян являлся мирской сход или мирской совет. Сход, как правило, созывался волостными властями: старостами, судьями и др. Решения, принятые на народных собраниях, назывались «приговорами», обязательными для исполнения. Однако были исключения из общих правил, на что обращает внимание М. М. Богословский. Так, анализируя решения схода волости Нижней Еденги (Устюжский уезд), он отмечает, что некоторые приговоры носили не публично-правовой характер, а оформлялись как частные договоры между участниками схода. При этом отличительной чертой договорной формы приговора является упоминание в нем свидетелей, в присутствии которых было принято данное решение. Присутствие свидетелей указывает на возможность в результате судебных исков между участниками договора ссылаться на упомянутых свидетелей [1, с. 220].

Каждый мир имел и свои исполнительные органы. Эти выборные мирские органы были такими же древними, как сами миры. Их полномочия ограничивались сбором податей, отправлением правосудия и полицейскими обязанностями. Срок земских выборных должностей был годовой, по его окончании каждый исполнитель обязан был дать отчет миру. Такой ограниченный срок исключал возможные злоупотребления, хотя, как показывает практика, земские должности отнюдь не считались некоей синекурой, охотников засидеться на этих должностях было крайне мало.

Снабжая своих избранников разного рода полномочиями, мир оставлял за собой право контроля над их деятельностью. Без решения земского собрания управа не могла принимать ни одного решения, в особенности по финансовой части. В то же время земский мир имел и обязанности перед выборными, которые сводились к следующему: необходимость исполнять все решения и предписания земских старост. «А нам, крестьянам, во всяких делах его, судью, слушаться во всем», – цитирует М. М. Богословский Наказ о суде и расправе в Заонежском погостах [1, с. 312].

Мир обязывался оказывать своим избранникам разного рода помощь, прежде всего деньгами; брать на себя расходы по мирским делам, которые могли понести выборные чины; оплачивать поездки судей в Москву; определять сумму вознаграждения земским властям и др. Но помощь, ока-

зываемая миром выборным земским властям, не ограничивалась только деньгами; мир обязан был помогать земским старостам советом: «А нам, миру, к судье на всякие советы ходить и советовать о всяком мирском деле» [1, с. 314].

Интересна характеристика социального состава крестьянства на Русском Севере, данная М. М. Богословским. Земли Поморского края по юридическому статусу он разделил на черные, церковные и частновладельческие. Термин «черная земля» употреблялся еще в древней Руси и обозначал общую, мирскую землю. Она могла быть никем не занятой или находиться в пользовании или владении крестьян. Соответственно, собственники этой земли могли ею распоряжаться без каких-либо ограничений: продавать, закладывать, менять, дарить, завещать. М. М. Богословский указывает на то, что владельцы черных земель называли свои участки «вотчинами», тем самым отождествляя черные земли с родовыми вотчинами в Центральной России [1, с. 53]. Иного мнения в отношении таких земель придерживалось государство, которое считало черные земли своей собственностью, а крестьян – лишь пользователями земельных участков. Для «захвата» крестьянами пустошей, то есть незасеянной земли, требовалось разрешение правительственных органов в виде особой грамоты, в которой оговаривались условия передачи пустующих земель, главным из которых являлось установление арендной платы за ее пользование.

Церковные земли на Русском Севере по количеству тяглых дворов занимали второе место после черносошных угодий. Согласно писцовым материалам, церковные и монастырские владения достигали особо больших размеров в Вятской и Пермской землях. В частности, Успенский Трифонов монастырь в Вятской земле в XVII в. насчитывал 1090 крестьянских дворов с населением в 5276 душ мужского пола [1, с. 72]. Монастырь в глухом северном крае являлся религиозным и культурным центром. Он был не только средством спасения для тех, кто отрекался навсегда от суетного мира, но и «местом нравственного отдыха от ежедневной действительности для мимолетного гостя с котомкой за плечами, которого он манил издали именно этой возможностью хотя бы на время подняться над обычными житейскими буднями» [1, с. 79]. Но постепенно, по мере накопления богатства (за счет пожертвований общества и приобретения земельных угодий), характер деятельности монастырей менялся. Они вели коммерческие дела, содержали промыслы, управляли землями. Земской мир видел в монастырях экономического конкурента и, продолжая

оказывать монастырю помощь в виде пожертвований и даров, нередко устраивал ссоры и суды из-за земель.

Древнерусское Поморье характеризовалось отсутствием поместного землевладения. Переписная книга 1646 г., на которую ссылается М. Богословский, называет лишь один район, где встречались поместья, – Заонежье. Там насчитывалось 92 двора, принадлежавших служилым людям, то есть помещикам [1, с. 98]. Наибольшую часть частновладельческих земель составляли вотчины, на Русском Севере их называли «беломестцами», но их количество, по сравнению с черными и церковно-монастырскими землями, было крайне мало и сосредотачивалось в основном в руках крупных московских купцов.

Социальная структура северного крестьянства XVII в. была крайне неоднородна. К первой категории относились черносошные крестьяне или домохозяева, платившие налог. Вторая категория – половники. Богословский характеризует их как рабочих, обрабатывающих «чужую землю» на определенных условиях. Половник нанимался на краткий срок, не более 3 лет, и работал из доли урожая – как правило, из половины. Третью группу уездного населения составляли бобыли, бездворные, ютящиеся на чужих крестьянских дворах. И тем не менее, бобыль – тяглый человек. Занимаясь ремеслом (основным занятием), бобыль платил налог на право промысла.

Тяглые дворы: крестьянские, половничьи и бобыльские с разнообразными видами этих обитателей – главная масса сельского населения Поморья, составлявшая основу крестьянского мира.

Анализируя различные институты крестьянского мира, М. М. Богословский обращает внимание на развитие бюрократической системы управления, которая начинает «оттеснять, подавлять и унижать самоуправление» [2, с. 264]. Крестьянский мир в XVII в. все более и более теряет самостоятельность. Появление воевод в деревне и подчинение земских миров их власти является решающим доказательством развития и усиления бюрократизма. Воеводская власть должна была выполнять две функции: во-первых, защищать местное население; во-вторых, следить за своевременным поступлением в государственную казну налогов с крестьянских дворов. Глубоко изучив крестьянский мир на Русском Севере, М. М. Богословский приходит к заключению, что в Поморье преобладала именно вторая функция воевод, имевшая фискальный характер [2, с. 286–289].

Подводя итог своему исследованию о русской деревне XVII в., М. М. Богословский отмечает,

что, в отличие от Центральной России, Поморский север, где не было ни служилого землевладения, ни крепостного права, долгое время представлял собой вполне самостоятельный, крестьянский мир. Самоуправление оказалось здесь более долговечным и прочным, «пустило более глубокие корни» [1, с. IV]. И несмотря на стремление государства осуществлять контроль над жизнью и бытом сельчан, земские учреждения сохранили свою целостность на протяжении длительного времени.

Библиографический список

1. Богословский, М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в [Текст] / М. М. Богословский. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. – М.: Синодальная типография, 1909. – 321 с.
2. Богословский, М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в [Текст] / М. М. Богословский, Т. II. Деятельность земского мира. Земство и государство. – М.: Синодальная библиотека, 1912. – 311 с.
3. Покровский, М. Н. Местное самоуправление в древней Руси [Текст] / М. Н. Покровский // Мелкая земская единица: сб. статей. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза». Б. г. – 419 с.
4. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография [Текст] / Н. Л. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1941. – 659 с.
5. Черепнин, Л. В. Отечественные истории XVIII–XX вв. [Текст]: сборник статей, выступлений, воспоминаний / Л. В. Черепнин. – М.: Наука, 1984. – 343 с.

Bibliograficheski spisok

1. Bogoslovskij, M. M. Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v [Tekst] / M. M. Bogoslovskij. T. 1. Oblastnoe delenie Pomor'ja. Zemlevladienie i obshhestvennyj stroj. Organy samoupravlenija. – M.: Sinodal'naja tipografija, 1909. – 321 s.
2. Bogoslovskij, M. M. Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v [Tekst] / M. M. Bogoslovskij, T. II. Dejatel'nost' zemskogo mira. Zemstvo i gosudarstvo. – M.: Sinodal'naja biblioteka, 1912. – 311 s.
3. Pokrovskij, M. N. Mestnoe samoupravlenie v drevnej Rusi [Tekst] / M. N. Pokrovskij // Melkaja zemskaja edinica: sb. statej. – SPb.: Tipografija Tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za». B. g. – 419 s.
4. Rubinshtejn, N. L. Russkaja istoriografija [Tekst] / N. L. Rubinshtejn. – M.: Gospolizdat, 1941. – 659 s.
5. Cherepnin, L. V. Otechestvennye istorii XVIII–XX vv. [Tekst]: sbornik statej, vystuplenij, vospominanij / L. V. Cherepnin. – M.: Nauka, 1984. – 343 s.